

по этому вопросу античных писателей. Во время своей работы над Риторикой он имел под руками не одно какое-либо руководство по красноречию, а очевидно несколько. Он называет имена Цицерона, Квинтилиана и других античных авторов. В первой главе своей Риторике он подкрепляет свое определение риторики их авторитетами. „Та же наука (риторика) — пишет он, — от Димосфена греческого ритора, сиречь хитроречивого, и от Маркиса Тилиуша Кикерона, латинского хитрословия начальника, чудесным образом украшена есть“.

Вся первая глава, объясняющая существо науки о красноречии, полностью является оригинальной. Она специально написана для такого русского читателя, который был еще совсем незнаком с названием и предметом этой науки.

В начале первой книги „О изобретении дел“ составитель Риторике ссылается на Цицерона и пересказывает его определение по этому вопросу. „Что есть обречение дел?“ — спрашивает он, и тут же отвечает: „О том Кикерон философ писал, что обречение есть, сиречь выдуманье или вымысл праведных вещей или к правде подобных, которые вещи всякое дело яснейшее и к правде подобнейшее показывают“.

Указать точно, пользовался ли он Цицероном по первоисточнику или по пересказу других писателей, не представляется возможным, но одно руководство, которым он пользовался, восстанавливается сравнительно легко, — это монументальный классический труд Марка Фабия Квинтилиана „*Oratoriae Institutionis*“.

Определение сущности красноречия, как одного из видов высокой гражданской добродетели, в этой Риторике сделано в полном соответствии с тем, о чем пишет Квинтилиан в XXI гл. 2-й книги своего труда. „То красноречие, которого образ мы в уме своем начертали, — говорит Квинтилиан, — и правила здесь изложить постараемся, которое прилично честному человеку и составляет истинную риторику, будет всегда добродетель“.¹ Квинтилиан указывает, что эту точку зрения еще ранее его изложил Цицерон, заявив, что „Красноречие есть одна из высоких добродетелей“.² Таким образом составителю нашей Риторике могли быть известны через Квинтилиана высказывания и „латинского хитрословия начальника“ Цицерона.

Но наиболее близко держался квинтилиановского руководства составитель нашей Риторике в своем изложении учения о риторических тропах и фигурах. Это учение изложено им во второй книге Риторике, названной им „О украшении слова“. В самом начале рассуждения о тропах или „выображениях“, как они названы в Риторике, сделана

¹ Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Переведены с латинского имп. Российской Академии членом Александром Никольским и сыном Академией изданы, СПб., ч. I, 1834, стр. 166. — В дальнейшем все цитаты из этого труда будут производиться по данному изданию.

² Там же, стр. 168.